

На правах рукописи

Юракова Алёна Юрьевна

**НЕОЛИТ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ
И ЮЖНО-ТАЕЖНОГО ПРИИРТЫШЬЯ**

07.00.06 – археология

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Кемерово – 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном научном учреждении «Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты Сибирского отделения Российской академии наук»

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор **Бобров Владимир Васильевич**

Официальные оппоненты:

Чаиркина Наталия Михайловна, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УрО РАН), заместитель директора по научным вопросам

Косинская Любовь Львовна, кандидат исторических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», старший научный сотрудник Центра археологических исследований Института гуманитарных наук и искусств

Ведущая организация:

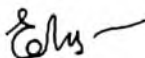
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»

Защита состоится « _____ » _____ 2017 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.088.08, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет» (650000, Кемерово, ул. Красная, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Кемеровского государственного университета: http://www.kemsvu.ru/pages/about_dissov_4_index.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ермоленко
Любовь Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. В неолите Западной Сибири формируются культурные традиции, получившие продолжение в эпоху доандроновской бронзы [Молодин, 2010]. Историческое содержание неолитического периода в данном регионе связано с возникновением новых адаптационных механизмов в рамках комплексного охотничье-рыболовного хозяйственного уклада [Ставицкий, 2014], выразившихся в возрастании роли стационарных поселений, применения шлифовки в индустрии камня, массовом внедрении керамического производства. Рост численности населения обусловил освоение всех ландшафтно-климатических зон региона. Это привело к усилению культурной вариативности [Бобров, 2012б; Корякова, Молодин, 2012] и проявилось в сложности процессов культурогенеза на стыке лесостепной и таежной ландшафтных зон.

Актуальность исследования заключается в необходимости формирования целостного знания о культурных традициях неолитического населения Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья в аспектах их относительной и абсолютной хронологии, вероятных сценариев взаимодействия и исторического развития.

Степень разработанности темы исследования. Основы знаний о культурно-исторических процессах и культурогенезе в эпоху неолита на рассматриваемой территории заложены в работах В. Н. Чернецова, В. Ф. Генинга, В. И. Молодина, А. И. Петрова, И. Г. Глушкова, В. И. Матющенко и др. Основные результаты изучения неолита Барабы на современном этапе отражены в работах коллектива кузбасских археологов [Бобров, 2007б; 2008б; Бобров, Марочкин, 2011а; 2012а; 2013; Бобров, Марочкин, Юракова, 2010б; 2012в; Бобров, Юракова, 2014 и др.]. При несомненных достижениях в изучении отдельных аспектов темы очевидна необходимость обобщающего исследования, посвященного сравнительному анализу имеющихся источников лесостепной и южно-таежной зоны. Требуется детально проанализировать проблемы истоков формирования и хронологического соотношения культурных традиций, выявления их специфики в окружающей культурной среде. Необходим анализ историографии неолита региона с позиций современных представлений.

Объектом исследования являются процессы культурно-исторического развития неолитических обществ лесостепной и предтаежной зон юга Западной Сибири.

Предмет исследования составляют неолитические комплексы Среднеиртышско-Барабинского региона, проблемы их типологической специфики, хронологии и культурной интерпретации.

Цель работы состоит в выявлении общего и локального своеобразия в развитии культурных традиций неолита Барабинской лесостепи и южно-таежных районов Прииртышья. Для достижения цели исследования были определены следующие **задачи**:

1) выделить этапы изучения неолитических памятников рассматриваемого региона и изложить их содержание, выявить перечень проблем, актуальных для современной историографии неолита Барабы и Среднего Прииртышья;

2) создать обобщающую типологическую характеристику неолитических комплексов с плоскодонной керамикой Барабинской лесостепи, определить их хронологическую позицию и элементы культурной специфики;

3) выделить компоненты типологического своеобразия комплексов артынской культуры Барабы и южно-таежного Прииртышья на основе их обобщающей характеристики и сравнительного анализа с материалами родственных и соседних культурных типов Западной Сибири;

4) рассмотреть аспекты проблемы типологической вариативности и периодизации гребенчато-ямочной общности Барабинско-Прииртышского региона в контексте дискуссии о культурно-хронологической дифференциации комплексов позднего неолита – раннего металла.

5) представить скорректированную схему развития и взаимодействия культурных традиций Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья в эпоху неолита.

Хронологические рамки исследования соответствуют неолитическому периоду древней истории Западной Сибири. Применительно к Среднеиртышско-Барабинскому региону он датируется второй половиной VI – началом IV тыс. до н.э. [Полосьмак, Чикишева, Балусева, 1989; Молодин, 2001; Бобров, Коварова, 2008; Марченко, 2009а; 2009б; Мосин, 2015а; Молодин, Мыльникова, Нестерова, Орлова, 2012]. Ниж-

ная граница периода определяется радиоуглеродными датировками погребений могильника Сопка 2/1 (BGS-1805 7235±100 BP) и Протока (СОАН-2700 6335±200 BP) [Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989; Молодин, 2001; Марченко, 2009а; 2009б], а верхняя – датами погребений усть-таргасской культуры могильника Сопка 2/3, засвидетельствовавших время появления комплексов раннего металла в Барабинской лесостепи [Молодин, 2001].

Территориальные границы исследования включают северо-западные районы Барабинской лесостепи и прилегающие территории лесостепной и предтаежной зон правобережного Иртыша, его больших (р. Омь, Тара) и малых притоков. В административном плане исследование охватывает северо-западные участки Новосибирской, центрально-восточные и частично северо-восточные участки Омской областей.

Источниками для диссертационной работы послужили результаты полевых и камеральных исследований 44 памятников неолита из северо-западной Барабы и южно-таежной зоны Прииртышья. Опорными источниками работы являются памятники поселенческого типа (36 поселений). Привлечены данные анализа коллекций восьми памятников из музейных фондов, а также материалы полевых отчетов и других архивных документов из научных учреждений г. Кемерово, Новосибирск, Омск, Екатеринбург. Отдельную группу источников, использованных для анализа историографии, составляют научные публикации, авторефераты и рукописи диссертаций.

Методология и методы исследования. В диссертации задействованы общеисторические и собственно археологические методы и подходы.

В рамках *историко-системного* подхода дается характеристика процессов развития и статичных состояний культурных традиций Барабинско-Прииртышского региона как результата органической взаимосвязи предшествующих и синхронных социокультурных явлений различных структурных уровней. Обсуждение проблем интерпретации рассматриваемых в диссертации материалов и аналитические выводы работы базируются на диалектических отношениях специальных *методологических принципов археологической науки* [Клейн, 2001].

Обращение к *историко-сравнительному* методу позволило выявлять общие и отличительные признаки археологических комплексов

как в самих рассматриваемых традициях, так и в сравнении с близким в культурном отношении окружением. Применение *историко-генетического* метода направлено на изучение истоков формирования компонентов типологической специфики культурных традиций Барабы и южно-таежного Прииртышья, признаков их хронологической изменчивости. В историографическом анализе нашли применение *проблемно-исторический* и *проблемно-хронологический* методы. Для характеристики исследуемых комплексов использованы методы формализованного описания и суммарной характеристики, сравнительно-типологический, типолого-картографический, стратиграфический и планиграфический методы. Привлечены данные, полученные с применением естественно-научных методов палеоантропологии, палеогенетики, термолюминисцентного и радиоуглеродного датирования.

Научная новизна исследования определяется следующими результатами:

1. Прослежена история изучения неолита Барабы и Среднего Прииртышья в XX – начале XXI в., тенденции постановки и осмысления проблем хронологии, периодизации и культурной принадлежности неолитических комплексов в научной литературе. Обобщена проблематика рассматриваемой темы на современном этапе (вторая половина 1980-х – 2010-е гг.).

2. Создан каталог неолитических памятников рассматриваемой территории с учетом оценки степени изученности и репрезентативности культурно-хронологических комплексов. Особое внимание уделено анализу и обобщающей характеристике новых поселенческих источников, изученных в середине 1990-х – 2010-х гг. в северо-западных районах Барабы и Усть-Тарском археологическом микрорайоне, до этого представленных в литературе лишь частично.

3. Систематизированы комплексы с плоскодонной профилированной керамикой (Автодром 1, -2/2, Тартас-1) Барабинской лесостепи и проведен их сравнительный анализ, рассмотрены взаимосвязанные аспекты их интерпретации.

4. Составлена сводная характеристика типологического своеобразия поселенческих комплексов артынской культурной традиции, на их основе выявлены уникальные и локальные в рамках культуры призна-

ки, а также черты сходства и различия с ближним культурным окружением эпохи неолита. Уточнены хронологические позиции артыньских комплексов среди поселенческих и погребальных неолитических памятников региона.

5. В рамках обсуждения проблем культурно-хронологической атрибуции комплексов гребенчато-ямочной общности дана обобщающая характеристика источников из лесостепной Барабы и южно-таежного Прииртышья. Проблематика дифференциации комплексов и их соотношения с артыньской традицией рассмотрена на основе корреляции данных типолого-морфологического, технологического, плани-стратиграфического анализа керамики.

Положения, выносимые на защиту:

1. В истории изучения неолита Барабы и южно-таежного Прииртышья (конец 1910-х – 2010-е гг.) выделяется четыре основных этапа, различных по уровню репрезентативности источников, интенсивности дискуссий, территориальному охвату одной или нескольких ведущих концепций. Начальный период (конец 1910-х – 1920-е гг.) археологического изучения территории отмечен первыми открытиями памятников, на которых впоследствии были выявлены неолитические комплексы. Второй период (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) связан с включением благодаря предпринятому В. Н. Чернецовым [1947; 1953] обобщению немногочисленных памятников Среднего Прииртышья в схемы периодизации зауральского неолита. Третий период (конец 1960-х – конец 1980-х гг.) отражает формирование первой региональной культурно-периодизационной схемы местного неолита [Генинг и др., 1970], ее частичное сосуществование и последующую замену концепцией екатерининской культуры неолита – раннего металла [Петров, 1986]. С начала 1990-х гг. ведет отсчет современный период осмысления неолитической проблематики, для которого характерны тенденции частичной перестройки и дробления предшествующих периодизационных схем на локально-территориальном уровне.

2. Во второй половине VI – первой половине V тыс. до н.э. северо-западная Бараба входила в Урало-Каспийскую зону развития группы традиций ранней плоскодонной профилированной керамики. Наиболь-

шую степень типологического родства барабинские комплексы проявляют с памятниками боборыкинской культурной традиции Зауралья и западно-сибирской лесостепи. Типологические отличия комплексов Барабинского региона отражают круг общих проблем для культурных типов указанного региона.

3. Развитие артынской культурной традиции в регионе соответствует в широких рамках концу VI – V тыс. до н.э., в узких (согласно датам поселенческих комплексов) – второй четверти – концу V тыс. до н.э. На рассматриваемой территории наиболее отчетливо фиксируются устойчивые элементы типологической специфики традиции (в домостроительстве, категориях орудийного набора и керамическом производстве). Близкое сходство артынской традиции с кокуйским типом Нижнего Приишимья и быстринской культурой Сургутского Приобья обусловлено их развитием на основе общего субстрата; частичная модификация и утрата характерных признаков могут объясняться культурными контактами с теми или иными соседними группами населения.

4. Комплексы «екатерининской культуры» Тарского Прииртышья и «ребенчато-ямочной общности» (ГЯО) Барабы относятся к единой культурной традиции, развитие которой начинается в период позднего неолита и продолжается в эпоху раннего металла. В рамках данной традиции, наряду с общностью конструктивных типов жилищ и универсальным набором категорий каменного и керамического инвентаря, выделяется несколько типологических подгрупп керамики, вариативных по композиции и технике нанесения орнамента. Частью синхронное существование ГЯО в позднем неолите с артынской традицией на одной территории сказывается в формировании общего набора специфичных черт; в начале эпохи металла (рубеж V–IV тыс. до н.э.) процесс культурной интеграции становится наиболее интенсивным.

5. Неолитическая история рассматриваемого региона отражает культурные тенденции, общие для Западной Сибири в целом, а именно: наличие двух линий развития. Одна из них – «боборыкинская», по современным данным, локализована в пространстве (лесостепная Бараба) и во времени (средний неолит). Другая линия характеризуется становлением двух традиций – артынской и «ребенчато-ямочной»

и отражает длительный (вторая половина VI – начало IV тыс. до н.э.) эволюционный процесс развития обществ обладателей накольчато-прочерченной и гребенчатой керамики, являющих собой близкородственный палеоантропологический субстрат. Этот процесс ассоциировался с различными направлениями культурных связей и механизмами социокультурной дивергенции. При этом неолит Барабы и южно-таежного Прииртышья несет черты регионального своеобразия, выраженного в типологии инвентаря, домостроительства и собственных источниках сырьевой базы каменных индустрий.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списков архивных источников и литературы, списка сокращений и четырех приложений, выделенных в отдельный том и включающих сводный каталог памятников, карты, таблицы, схемы и иллюстрации.

Практическая значимость. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы для подготовки специальных курсов лекций, учебных и справочных пособий, выставок. Планируется включение отдельных блоков работы, посвященных анализу и интерпретации коллекций барабинских памятников Автодром 1 и Автодром 2, в монографические издания.

Апробация работы. Поставленные в работе проблемы и результаты исследования получили освещение в докладах на конференциях российского и международного уровня, проходивших в Кемерово (2008–2014, 2016), Иркутске (2010), Красноярске (2011), Новосибирске (2012), Владивостоке (2013), Омске (2012), Тюмени (2012), Екатеринбурге (2013, 2014), Казани (2014), Томске (2016), 23 научных статьях, в том числе 4, опубликованных в рецензируемых изданиях из перечня ВАК Минобрнауки РФ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обоснована актуальность темы исследования, определены его объект и предмет, цель, задачи, хронологические и территориальные рамки, даны физико-географическая характеристика изучаемого района, описание источников, методологии и методов исследования, представлена научная новизна, практическая значимость, структура и апробация работы.

Глава 1. История изучения неолита Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья в отечественной археологии

В главе излагается история изучения неолита рассматриваемой территории с начала XX в. по настоящее время; структура главы подчинена последовательности выделенных историографических этапов.

1.1. Первые открытия и начало научных представлений (конец 1910-х – 1920-е гг.)

Первые археологические свидетельства заселенности районов Среднего Прииртышья в эпоху неолита были получены в конце 1910-х – середине 1920-х гг. В этот период активно развивается краеведческое движение в Омском Прииртышье [Жук, 2007; 2013; Конилов, 1993б]. Открыты и обследованы Омская (1918, С. А. Ковлер) и Екатерининская (1924, П. Л. Драверт) стоянки. Со второй половины 1920-х гг. профессиональный археологический поиск в Прииртышье начинает В. П. Левашева [Китова, 2007]. Она проводит разведочные работы по берегам Иртыша и Оми (1926–1928 гг.), в ходе которых была открыта стоянка у д. Красноярка [Талицкая, 1953], организуются раскопки Омской стоянки (1927–1928 гг.). Подъемные сборы проводятся А. В. Вагановым на стоянках Екатериновка I и Крапивка I [Палашенков, 1980; Жук, 2007], от местных жителей к нему поступают находки из разрушенного могильника у д. Усть-Куренга [Петров, 2014]. После ряда удачных открытий до 1940-х гг. в регионе не проводятся целенаправленные археологические работы. Сведения об открытых в этот период местонахождениях нашли отражение в кратких заметках и музейных отчетах и были введены в широкий научный оборот только в середине века [Чернецов, 1947; 1953]. Для некоторых стоянок наличие материалов эпохи неолита было установлено спустя десятилетия [Матюшенко, 1966; Генинг и др., 1970; Молодин, 1977].

1.2. Памятники Среднего Прииртышья в контексте концепций уральского неолита (2-я пол. 1940-х – 1960-е гг.)

Возобновление активного интереса к древнейшей истории происходит во второй половине 1940-х гг. благодаря инициативе руководства краеведческих музеев г. Омска, Тары (А. Ф. Палашенкова,

А. В. Ваганова) и системной работе В. Н. Чернецова. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. им впервые обобщены немногочисленные данные о неолите Среднего Иртыша [Чернецов, 1947; 1953]. Основным итогом периода стало включение среднеиртышского региона в схемы развития неолита Урала и Западной Сибири [Чернецов, 1953; Окладников, 1968; Бадер, 1970] в рамках его поздних этапов. Общим для данных концепций является представление о едином процессе развития на этих территориях родственного в этнокультурном отношении населения, о чем свидетельствовала эволюция способов орнаментации керамики от накольчато-прочерченного до гребенчатого [Старков, 1980].

1.3. Развитие региональных культурно-периодизационных концепций неолита во второй половине 1960-х – 1980-х гг.

Систематическим изучением памятников в 1960-е гг. было подготовлено создание первой региональной культурно-периодизационной схемы неолита – концепции *среднеиртышской культуры* [Генинг и др., 1970]. Ранний этап культуры (IV тыс. до н.э.) назван кокуйским, последующие только намечены. В 1970-е – первой половине 1980-х гг. схема В. Ф. Генинга претерпевает изменения. В. И. Молодин выделяет в развитии неолита Барабы два этапа – развитый (с накольчато-прочерченной керамикой) и поздний (екатерининский), объясняя их смену притоком из северо-восточных районов Восточной Европы групп носителей гребенчато-ямочной традиции. Предположение В. Ф. Генинга о «более позднем возрасте» Артынской и Екатеринбургской стоянок было развито В. Ф. Старковым, выделившим «послекокуйский» период культуры.

В первой половине 1980-х гг. А. И. Петров предложил взамен среднеиртышской концепцию трансэпохальной *екатерининской культуры* с четырьмя этапами: екатерининским (поздний неолит), александровским, артынским (энеолит) и степановским (ранняя бронза). В развитии керамической традиции культуры намечено две линии: 1) «екатерининский – позднеекатерининский – александровский – степановский»; 2) «екатерининский – артынский». Формирование культуры автор связал с развитием местных обществ мезолита – раннего неолита, а дифференциацию типов керамики в период энеолита – с притоком населения из западных районов (Зауралья). Термин «ека-

терининская культура» на долгое время вошел в научное обращение, однако сама концепция вскоре подверглась критике [Панфилов, 1991].

М. Ф. Косаревым [1981; 1987] поставлена проблема хронологической дифференциации памятников выделенной им *гребенчато-ямочной общности* с одним неолитическим (екатерининским) и двумя этапами эпохи бронзы (байрыкский, одиновский). Происхождение традиции автор сначала связал с европейским северо-востоком, но впоследствии счел более корректной гипотезу А. И. Петрова о местных корнях [Косарев, 1996].

1.4. Проблемы неолита Среднего Прииртышья и Барабы в исследованиях начала 1990-х – 2010-х гг.

Заметный рост количества и репрезентативности источников в 1990-е гг., широкое внедрение абсолютных методов датирования и других естественно-научных методов предопределили необходимость пересмотра схемы развития неолита Среднего Прииртышья, созданной А. И. Петровым. Выявлены новые закономерности в соотношении неолитических комплексов Нижнего Приишимья, Омского Прииртышья, Нижней и Средней Тары, Барабинской лесостепи. На основе этапов предшествующих периодизационных схем выделяются новые культуры – кокуйская [Зах, 2006] и артынская [Бобров, 2008б]. Содержание «екатерининской культуры» сокращается до собственно поздненеолитического этапа [Панфилов, 1993; Бобров, 2008б; Иващенко, Толпеко, 2012]. Впервые открыты в Барабе комплексы боборыкского типа [Бобров, Марочкин, 2012а]. Серией радиоуглеродных дат существенно удревнены хронологические рамки неолитического периода [Молодин, 2001; Марченко, 2009а; Мосин, 2015а]. Анализируя среднетарские материалы, Ж. В. Марченко приходит к заключению о развитии гребенчато-ямочной орнаментальной традиции в южно-таежном Обь-Иртышье уже со второй четверти – середины VI тыс. до н.э. [2009а]. Наиболее полно современные выводы о хронологии и культурно-исторических процессах в неолите Барабы изложены в работах кузбасских археологов [Бобров, 2007; 2008; Бобров, Марочкин, Юракова, 2010; 2012; 2013; Бобров, Марочкин, 2011а; 2012а; 2013; Бобров, Юракова, 2014]. Актуальной задачей становится поиск согласованных критериев для исторических построений в рамках и лесостепной Бара-

бы, и южно-таежной полосы Тарского Прииртышья, представлявших в древности единое культурное пространство.

Глава 2. Ранние комплексы с плоскодонной профилированной керамикой в неолите Барабинской лесостепи: хронология и вопросы интерпретации

В двух разделах главы представлен анализ и рассмотрены вопросы интерпретации и хронологии неолитических комплексов северо-запада Барабинской лесостепи, содержащих плоскодонную посуду с накольчато-прочерченной орнаментацией.

2.1. Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите Барабинской лесостепи: характеристика источников

В разделе охарактеризованы три поселенческих комплекса (Автодром 1, Автодром 2/2, Тартас 1), их жилищные конструкции и инвентарь. На основе сравнительного анализа установлено, что отличительным признаком комплексов является *керамика* плоскодонных сложнопрофилированных форм, разнообразная по мотивам и принципам организации орнамента (часто встречается комбинация горизонтальных и вертикальных зон). Декор, как правило, разрежен, но имеются сосуды, украшенные по всей поверхности. При отсутствии единых композиционных канонов консервативны способы орнаментации (прочерчивание, накальвание). Своеобразие керамики поселения Автодром 1 выражается в небольшой доле гребенчатых узоров. Типично наличие в комплексах *керамических «утюжков»* (Автодром 1, 2/2).

Показательны сходства памятников в *каменном инвентаре*. Идентичен набор предметов, включающий продукты расщепления (нуклеусы, желваки, отщепы), пластины, скребки, перфораторы и острия, абразивы из песчаника, шлифованные топоры-тесла и сколы с их поверхности. Комплексам Автодрома 1 и 2/2 присуща весомая доля микролитоидности (пластины шириной до 1 см составляют соответственно 46,7 % и 51,3 %); отличия фиксируются в предпочтении стороны, на которую наносилась ретушь: дорсальной на Автодроме 1 (61 %) и вентральной на Автодроме 2/2 (59,7 %) и Тартасе 1. Большинство скребков (83,6 % и 75,4 % на Автодроме 1 и 2/2 соответственно) изготовлены на отщепках и характеризуются идентичным набором форм

(на пластинах – только 12,07–21,5 % скребков); под скребки оформлены единичные фрагменты желваков, нуклеусов и сколов со шлифованных изделий. Наконечники стрел единичны. Шлифованные топоры-тесла в основном трапециевидных форм и небольших размеров. Несмотря на вариации в декоре посуды и особенности орудийного набора, перечисленные комплексы входят в единый типологический пласт.

2.2. Хронология и культурная принадлежность неолитических комплексов с плоскодонной керамикой в Барабинской лесостепи

Время бытования рассматриваемых памятников в регионе укладывается в пределы конца VI – середины V тыс. до н.э. Хронология обоснована радиоуглеродными датами по керамике Автодрома 2/2 – 5460 ± 100 , 5967 ± 100 , 5884 ± 100 ВР [Мосин, 2015а; 2016а], а также стратиграфическими позициями комплексов: перерезанием жилища № 9 на Автодроме 1 рядом поздненеолитического кургана (середина – вторая половина V тыс. до н.э.) [Бобров, Марочкин, Юракова, 2014; 2015], залеганием на более глубоких уровнях по сравнению с материалами артынской культуры на Автодроме 2. Датировка немногочисленных аналогичных материалов Средней Тары периодом ранней бронзы [Марченко, 2009а] не имеет достоверных оснований.

Аналогии рассматриваемым комплексам обнаруживаются в неолитических памятниках боборыкинской культуры Зауралья и Тоболо-Ишимья – Боборыкино II, ЮАО V, IX, XII, XIIIА, Двухозерное 1, Пикучка 1, Ташково III, Мергень 3, Ук VI и др. Существование боборыкинской традиции в Западной Сибири датируется концом VI – V тыс. до н.э. [Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014], таким образом, время бытования барабинских комплексов соответствует относительно раннему этапу ее развития. Своеобразие комплексов Барабинской лесостепи не выходит за рамки типологического разнообразия керамики (наличие гребенчатых узоров) и каменных индустрий (степень микролитонности, наличие пластин со скошенным торцом, геометрических микролитов и т. д.) в пределах всей культуры.

Существуют две основные гипотезы по проблеме происхождения памятников данной традиции в Барабе: в результате широтной миграции населения из Среднего Зауралья [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012в; Бобров, Марочкин, 2013; Зах, Еньшин, 2015] или мигра-

ции населения из раннеземледельческих регионов Ближнего Востока [Ковалева, Зырянова, 2016]. Сравнительный анализ барабинских, зауральских и североказахстанских комплексов [Мерц, 2011; 2015] свидетельствует в пользу первой версии; кроме того, второй версии противоречит поздняя хронологическая позиция борлинского комплекса (V–IV тыс. до н.э.) [Мерц, 2015].

Барабинские комплексы входят в обширный район распространения в конце VII – V тыс. до н.э. культурных типов с плоскодонной профилированной керамикой, включающий Приуралье, Волго-Камье, Арало-Каспий, Северный Казахстан, Урал и Западную Сибирь [Косинская, 2004; Выборнов, 2008; Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014; Мосин, 2015а; 2016а].

Адаптация хозяйственной стратегии боборыкинского населения в изучаемом регионе выразилась в формировании нескольких зон природопользования – мест долговременного проживания (крупные поселки с углубленными жилищами в урочище Таи на высокой второй террасе р. Тартас), промыслово-хозяйственных пунктов в поймах и надпойменных участках. Аналогичные следы хозяйственной стратегии фиксируются в Нижнем Приишимье [Скочина, 2002; Дрябина, 1995; Зах, 2009; Косинцев, Некрасов, 1998]. Время появления боборыкинской традиции в Барабинской лесостепи и лесном Прииртышье частично совпадает с ранним этапом развития местных культурных традиций региона, о чем свидетельствуют даты могильников Протока, Сопка 2/1, Венгерово-2А [Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989; Молодин, 2001; Марченко, 2009а; Молодин, Мыльникова, Нестерова, Орлова, 2012].

Глава 3. Поздний неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: артынская культура

3.1. Поселенческие комплексы артынской культуры в северо-западной Барабе и южно-таежном Прииртышье (характеристика источников)

Раздел содержит описание жилищных конструкций, каменного и керамического инвентаря 19 памятников, объединенных в три территориальные группы. *Барабинская группа* – памятники, расположенные во внутренних районах лесостепи на краю и в глубине надпойменных

речных террас, близ древних озерных водоемов (Автодром 2/1, Старый Тартас 5). *Иртышская группа* – памятники на террасах правого берега р. Иртыш (Инберень X, Алексеевка III), по берегам его малых притоков – р. Артынки, Танатовки (Артын, Танатово II–V), а также вблизи местных озер (Бергамак XXIV). *Тарская группа* – поселения на правом высоком берегу р. Тары (Усть-Тара IV, –XXVIII, –XXXIII, Новочекино За, Льнозавод II, –III, Крючное 6б), в основании или на краю второй террасы ее правого притока – р. Верхней Тунуски (Нижняя Тунуска I-в, II-б).

3.2. Типологическая характеристика артынской традиции

Памятники артынского типа представлены как стоянками из одиночных жилищ (локализованы в южно-таежных районах), так и крупными поселками, насчитывающими до 20 построек (Автодром 2/1).

Жилища. Изучено 13 жилищных конструкций (9 из них – на пос. Автодром 2/1, по одному – на пос. Усть-Тара IV, XXVIII, XXXIII, Артын). Выделяется три типа котлованов. Тип 1. Котлованы округлых и аморфных очертаний (4,4–6×4,1–6 м и 3,2×3,2 м) без выраженного входа, выявлены в лесостепной зоне. Тип 2. Округлые, слегка углубленные котлованы (или неуглубленные материковые площадки), укрепленные внешним рвом и обваловкой, известны на памятниках Нижней Тары [Иващенко, Толпеко, 2006]; наличие «укреплений» позволяет предположить их зимнюю сезонность. Тип 3. Подпрямоугольный котлован (3,6×6,3 м) Артынской стоянки [Косинская, 1982].

Каменный инвентарь. Представительные серии получены на пос. Артын, Усть-Тара IV, –XXXIII, Автодром 2/1. Индустрия характеризуется наличием продуктов расщепления – желваков, нуклеусов и их обломков, заготовок, утилитарных сколов и многокомпонентным набором изделий (13 категорий) – пластин (ширина 4–24 мм, преобладают крупные >10 мм, на ретушированных преобладает дорсальная подработка), скребков (40 % из них – концевые), перфораторов на пластинах и остроконечников, комбинированных орудий (скребок-перфоратор), наконечников стрел листовидной и иволистной форм, абразивов из песчаника. На концевых скребках и пластинах оформлены немногочисленные выемки-скобели. Уникальны для западносибирского неолита булавы-навершия (Усть-Тара XXXIII, Автодром 2/1). В единственном числе найдены орнаментированный каменный «утюжок» и каменный

пест с утилитарными выщерблинами на широком торце (Автодром 2/1). «Шлифованная» часть индустрии представлена миниатюрными сланцевыми топориками-теслами и ножами с вогнутым лезвием. С пос. Усть-Тара IV происходит обломок орнитоморфной фигурки.

Изделия из керамики (абразивы) – 10 предметов (Автодром 2/1, Усть-Тара IV, XXXIII) брусковидной и грушевидной форм, большинство – с отверстием для подвешивания; некоторые орнаментированы. Аналогии известны на поселениях Серебрянка 1 [Панфилов, 1991], в могильнике Венгерovo-2А [Молодин, Мильникова, Нестерова, 2016], на памятниках Васюганья [Мец, 1993], Сургутского Приобья [Поселение Быстрый ... , 2006], на Иртыше – пос. Шалтов I [Старков, 1979].

Керамика. Керамическая традиция характеризуется по результатам формализованного анализа четырех коллекций (Автодром 2/1, Артын, Усть-Тара IV, XXXIII). Сосуды простых форм с округлым / приостренным дном. В числе способов нанесения орнамента – отступающе-накольчатый, накалывание, прочерчивание, прочерчивание с отступанием. Специфичная черта традиции состоит в соединении разных способов декорирования в одной синкретичной технике – «отступающе-накольчато-прочерченной с неравномерным нажимом». Разнообразие мотивов образовано двумя типами элементов – линиями и ямочными вдавлениями. «Линейные» бордюры вариативны по форме – прямая, волнистая (52,1–78,3 %), сочетанию (1,73–3 %) и направленности. Встречаются сетчатые мотивы, «взаимопроникающие» треугольники, волны-разделители. Ямки составляют горизонтальные пояса, различны их комбинации – по одной в прямой горизонтальный пояс, зигзаг (40–45 %), по 2–3 в диагональ или ряд, в виде треугольников, «арочных» фигур, в шахматном порядке, в виде «уточек».

3.3. Хронология и культурная специфика артынской традиции

Поздненеолитический возраст артынских поселений (середина V – начало IV тыс. до н.э.) подтвержден радиоуглеродной хронологией [Мосин, 2015a] и частично пересекается с датировками погребальных памятников Протока [Полосьмак, Чижишева, Балужева, 1989; Марченко, 2009a], Венгерovo-2А.

В изучаемом регионе не наблюдается сколь-нибудь значимых локальных отличий артынской традиции. Различия фиксируются лишь

в конструкции жилищ. В артынской традиции узнаваем «колорит», свойственный ряду неолитических культурных типов Западной Сибири – козловскому, быстринскому, изылинскому, кипринско-ирбинско-новокусковскому массиву и др. [Бобров, Марочкин, 2011а; Бобров, Марочкин, Юракова, 2014; Марочкин, Юракова, 2014]. В разделе рассмотрена актуальная проблема соотношения «кокуйского» и «артынского» типов, обнаруживающих, несмотря на ряд общих черт, устойчивые признаки локального своеобразия [Бобров, Марочкин, 2012а; Юракова, 2012б]. Автору представляется целесообразным на данном этапе разграничить их территориально и рассматривать кокуйские комплексы как результат локальной модификации артынской традиции на одном из этапов ее развития. Типологическая и хронологическая близость артынских и быстринских (последняя треть VI – первая половина V тыс. до н.э.) комплексов может объясняться либо миграцией населения в северном направлении [Дубовцева, 2015], либо развитием из общего раннеолитического и мезолитического субстрата. Сходства с гребенчато-ямочной общностью, частично совпадающей с артынской культурой по географии, могут объясняться совокупностью исторических факторов: наличием близкородственного субстрата, частичной синхронностью двух традиций и их взаимодействием. В то же время устойчивое сочетание специфических черт артынской традиции ярко характеризует ее индивидуальность на синхронном культурном фоне.

Глава 4. Проблемы типологической и хронологической дифференциации гребенчато-ямочной общности позднего неолита – раннего металла в Барабинской лесостепи и южно-таежном Прииртышье

4.1. Поселенческие комплексы гребенчато-ямочной общности

Раздел содержит описание жилищных конструкций, керамики, каменного инвентаря и находок из бронзы с 29 поселений. Выделены три географические группы памятников. *Барабинская группа* – 6 памятников на правом берегу р. Омь (Красноярка, Преображенка 6), на пойменных террасах ее правых притоков – р. Тартас, Кама (Козловка 1, 2, Венгерово 3), а также близ древних озер надпойменных террас (Автодром 2/3а, 2/3б). Расположение поселений *иртышской группы*

(13) тяготеет к правобережной зоне р. Иртыш, в том числе приустьевым участкам ее правых притоков – р. Омь, Абросимовка, Медовщикова, Уй, Танатовка (Екатериновка I, II, III, Крапивка I, Танатово II–V, Бергамак XXIV, Черноозерье III, Алексеевка I и III, Омская стоянка). *Тарская группа* – поселения (10) правого высокого берега р. Тары, в том числе старичных участков (Усть-Тара XXVIII, Льнозавод II и III, Новочекино-За, Кыштовка-1а, Крючное 6б), а также объекты на ее правых притоках – р. Искелга, Верхняя Тунуска (Чеплярово 29, Нижняя Тунуска I–III).

4.2. Типологическая характеристика гребенчато-ямочной общности в северо-западной Барабе и южно-таежном Прииртышье

Поселения насчитывают в основном 2–4 жилищных западин, 7 западин зафиксировано на памятнике Усть-Тара XXVIII, по одному жилищному объекту – на стоянках Екатериновка II и Крапивка I.

Жилища. На 12 поселениях изучены остатки 20 жилищ. Выделяется два основных типа. *Тип 1* (преобладающий) – каркасно-столбовой конструкции с котлованами глубиной 0,16–0,7 м. По конфигурации котлованов выделяются три разновидности, которые могут совместно встречаться на памятниках: а) однокамерные с подпрямоугольным котлованом; б) однокамерные с округлым / овальным котлованом; в) двухкамерные. *Тип 2* – наземные постройки (без углубленного котлована) каркасно-столбовой конструкции прямоугольных форм, небольших ($\approx 3 \times 3$ м) и крупных ($\approx 12 \times 8$ м) размеров.

Каменный инвентарь. Для индустрии характерно использование местных сырьевых ресурсов – кварцита, железняка [Молодин, 1977; Толпеко, 2008; Иващенко, Толпеко, 2012]. Инвентарь представлен продуктами первичного расщепления (желваками, нуклеидными обломками), отщепами, пластинами (в основном без подработки) и изготовленными на пластинчатых заготовках ножами-бифасами, скобелями, резцами; скребками, в большинстве выполненных на отщепах, комбинированными орудиями (скребок-перфоратор), перфораторами на пластинах и остроконечниками, наконечниками стрел различных форм (преобладают листовидная, подтреугольная), бифасами миндалевидной формы на крупных отщепах, абразивами. Шлифованная часть индустрии включает топорики-тесла трапецевидной формы

(в т. ч. «когтевидное» долотце), ножи, их обломки и утилитарные сколы. Предметы каменной пластики представлены двумя изделиями – шлифованной сланцевой подвеской лепестковой формы (Екатериновка I) и обломком орнитоморфной фигурки (НТ III).

Костяной инвентарь. Единичные изделия – наконечники стрел, проколки, мотыжка с поселения Венгерово 3 и костяное «тесло» с Екатериновки I.

Керамические грузила. 23 предмета, подразделенных на три типа: 1) со сквозными продольными отверстиями – эллипсоидной, стержневидной, цилиндрической форм, декорированные гладкой качалкой, оттисками гребенки, наколами, псевдотекстилем; 2) «моталки» цилиндрической формы с поперечными желобками на торцах; 3) грузила с «рожковидными» окончаниями. Все типы бытовали на рассматриваемой территории синхронно.

Керамика. Наиболее представительные комплексы получены на пос. Автодром 2 (2/3а, 2/3б), Венгерово 3, Екатериновка 1, Крапивка 1, УТ XXVIII, Чеплярово 29, НТ I–III, Льнозавод II. Выделено несколько групп керамики. *Группа 1* – с гребенчато-ямочным орнаментом, изредка сочетающимся с гладкими штампами. *Группа 2* – в орнаменте устойчиво сочетаются гребенчатые, ямочные мотивы и прочерченные / накольчатые элементы – линии (разделители). *Группа 3* – композиции повторяют «гребенчато-ямочные» схемы первой группы, но исполнены гладкими штампами. *Группа 4* – толстостенные сосуды с доминированием в композиции ямочных поясов; сопутствующие гребенчатые и «гладкие» мотивы те же (с вариациями), но более разрежены и иногда слабо различимы. *Группа 5* – с ямочным декором, хаотичным или организованным в пояса.

Анализ взаимовстречаемости групп на поселениях позволил установить, что керамика группы 1 встречается как автономно (Екатериновка I и II, Чеплярово 29, Омская стоянка), так и в сочетаниях с группами 2, 4, 5. Керамика группы 2 представлена только в сочетании с группой 1 (Венгерово-3, Крапивка I, Нижняя Тунуска I). Памятники с керамикой группы 3 локализованы в Барабе. Здесь такая керамика встречается как автономно, так и в сочетании с группой 4 (Автодром 2) [Юракова, 2013а]. Керамика группы 4 представлена автономно в Барабе (Красноярка) и на средней Таре (Новочекино-3а). Керамика группы 5 отмечена только

в сочетаниях с керамикой групп 1 и 4 в тарских комплексах. Известны случаи совместного нахождения керамики групп 2 и 3, 2 и 4, 2 и 5. Существует мнение об отдельном культурно-типологическом статусе некоторых подвидов гребенчато-ямочной керамики – например, «ямочного» или сосудов, орнаментированных шагающим гладким штампом [Марченко, 2009а; Петров, 2014]. По мнению автора, все выделенные группы представляют вариации единого орнаментального массива. При этом группы 1 и 3 являются как будто «взаимозаменяемыми», образуя разные наборы сочетаний в предтаежных и лесостепных районах.

4.3. Проблемы хронологической и территориальной дифференциации, эпохальной и культурной интерпретации комплексов гребенчато-ямочной общности

Дифференциация гребенчато-ямочных комплексов в регионе осложнена консервативностью орнаментальной традиции и отсутствием прямых абсолютных дат. В разделе дается анализ типологических и технологических признаков вариативности керамики, сопоставляются хроностратиграфические позиции ГЯ комплексов на разных памятниках.

Поиск типологических маркеров хронологической дифференциации рассмотрен в двух аспектах.

1. Проблема внутренних маркеров типологической динамики ГЯ традиции. Исследователями предложено рассматривать в качестве тенденций ее развития такие косвенные признаки, как уменьшение доли гладких штампов («позднеекатерининское» время), исчезновение гребенчатой качалки, рост «геометризма» [Петров, 2014]. В свете новых источников данные признаки утратили доказательность. Комплексы с преобладанием гладкоштамповой орнаментации известны в Барабе и в одиновское время [Молодин, 1981; 2012], что может быть свидетельством локально-территориальной преемственности. Вариация приема гребенчатой качалки фиксируется и в эпоху раннего металла на керамике усть-тартасской культуры. «Геометрические» мотивы на екатерининской и александровской посуде могут быть связаны не с хронологической изменчивостью, а с особой (погребальной) семантикой. Надежным маркером поздних тенденций в ГЯ керамике остается появление сосудов с уплощенным и плоским дном.

2. *Проблема типологической дифференциации «гребенчато-ямочной» и артынской керамики; культурная интерпретация «смешанных» комплексов.*

Традиционным для формально-классификационного подхода 1970–1980-х гг. являлся поиск черт эволюционной преемственности двух типов и интерпретация «смешанных» признаков в качестве переходных. Однако «инородные» признаки встречаются и на «эталонных» памятниках. По результатам сопоставления орнаментальных и технологических признаков обоих типов керамики выявлено, что в некоторых случаях совместного нахождения на памятнике локальные морфологические особенности ГЯ керамики (Автодром 2/3) сопровождаются большей близостью артынской посуде по технологическим признакам. Выразительны «смешанные» черты в керамических комплексах погребальных памятников (Венгерово 2А, Окунево V/VII), при этом они отчасти объясняются индивидуальным разнообразием сакрального инвентаря.

Культурная и эпохальная атрибуция. К настоящему времени в научной литературе обозначились противоречия, связанные с культурной атрибуцией и эпохальной принадлежностью ГЯ комплексов. В. И. Молодин предложил отказаться от дублирующих культурных понятий «екатерининский», «байрыкский» и рассматривать комплексы с круглодонной керамикой в рамках ГЯ общности раннего металла [Молодин, 2001]. При этом применительно к позднему неолиту сохранен термин «екатерининская» культура [Ивашенко, Толпеко, 2006; Молодин, 2001]. Ввиду отсутствия четких типологических отличий «екатерининского» этапа и комплексов «раннего металла» нам представляется логичным вернуться к расширенному пониманию гребенчато-ямочной общности как в хронологическом плане (включить памятники, отнесенные к позднему неолиту), так и территориально (объединение в ней не только памятников Барабы, но и южно-таежной зоны).

Хроностратиграфические позиции комплексов. Приведены планиграфические и стратиграфические наблюдения о соотношении ГЯ и артынской керамики на поселениях Барабы и Тарского Прииртышья. На основе анализа закономерностей в соотношении орнаментальных, технологических признаков керамики и планиграфических зако-

номерностей выделены *коррелятивные группы поселенческих памятников*. 1. Памятники с монолитными комплексами артынского (Артын, УТ IV, УТ XXXIII) и ГЯ типа (Екатериновка I, II, Па, Чеплярово 29), керамика которых несет в крайне незначительной степени так называемые «инородные» элементы. 2. Памятники с монолитными комплексами (Крапивка I, НТ II, Венгерово 3), основой которых является ГЯ тип, при этом устойчиво с ним интегрированы прочерченные и отступающе-накольчатые элементы, «смешанная» керамика залегает в тех же условиях, что и основной комплекс. 3. Памятники с гетерогенными комплексами (Автодром 2, УТ XXVIII), залегающими в разных планиграфических локализациях. 4. Памятники, керамика которых имеет черты как артынского, так и ГЯ типа, однако мало информативные для культурно-хронологических выводов.

Данная ситуация, по мнению автора, является отражением частично синхронного существования и взаимодействия в позднем неолите двух культурных традиций. Близкие хронологические позиции их на определенном этапе подтверждаются свидетельствами инфильтрации керамических канонов и сходными характеристиками каменного инвентаря. Появление металла в Барабе и южно-таежных районах Прииртышья, очевидно, представляло собой мозаичную картину и происходило в течение достаточно длительного периода на базе культур неолитического облика.

В *заключении* изложены основные выводы диссертационного исследования. История изучения неолита Барабы и южно-таежного Прииртышья подразделена на четыре этапа. Начальный этап (конец 1910-х – 1920-е гг.) связан с открытием учеными-краеведами и профессиональными археологами немногочисленных стоянок (Омской, Екатерининской, Красноярской) в Среднем Прииртышье, на которых было впоследствии установлено наличие неолитических комплексов [Чернецов, 1947; 1953; Матющенко, 1966; Молодин, 1975; 1977]. Время 1930-х – первой половины 1940-х гг. практически не отмечено фактами открытия или осмысления вопросов древнейшей истории региона. Начало второго этапа (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) связано с организацией целенаправленных разведок в тесном сотрудничестве омских краеведов и экспедиции ИИМК. Первое системное обобщение В. Н. Чернецовым [1947; 1953] иртышских материалов сформировало

понимание о местном неолите как позднем этапе развития урало-западносибирской неолитической общности [Чернецов, 1968; Бадер, 1970]. Одновременно с этим в 1960-е гг. создается серьезная источниковедческая основа для разработки первой региональной культурно-периодизационной схемы [Генинг и др., 1970]. Ее публикация открывает третий историографический период (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.). В течение первой половины этапа дополняется и корректируется концепция среднеиртышской культуры [Старков, 1979; Молодин, 1977; 1985], а к середине 1980-х гг. сменяется схемой екатерининской культуры [Петров, 1986; 2014] с иной хронологией этапов. Четвертый (современный) период 1990–2010-х гг. характеризуется направленностью исследований на решение локальных культурно-хронологических проблем, методологическим поиском, критикой хронологии екатерининской культуры и выделением на базе ее этапов самостоятельных культур – кокуйской, артынской, екатерининской [Панфилов, 1993; Хвостов, 1997; Молодин, 2001; Бобров, 2008; Иващенко, Толпеко, 2012].

Поиск истоков неолитических традиций региона осложняется малочисленностью памятников переходного раннеголоценового периода. Хронологический разрыв между самой молодой датой позднего палеолита (Волчья Грива, XIV–XIII тыс. до н.э.) и наиболее древней неолитической датой (Сопка 2/1, VII тыс. до н.э.) равен 4–5 тысячелетиям. Представление о наличии корней неолитических культур в местном мезолите и палеолите выражено в работах В. И. Молодина [1977; 1985б], А. И. Петрова [1986; 2014] и сохраняет актуальность. Так, стремление обозначить длительность формирования культур позднего неолита Барабинской лесостепи отразилось в сохранении «кокуйского этапа» (развитого) [Бобров, Марочкин, 2012а]. Хотя такой термин вряд ли удачен, учитывая связанные с ним историографические противоречия и недавнее выделение одноименной культуры в соседнем Приишимье. Однако остается несомненным то, что начало развития местных неолитических традиций в Барабе и лесном Прииртышье определяется, по крайней мере, концом VII тыс. до н.э. [Молодин, 2001; Марченко, 2009а]. Продолжение этого процесса маркируется датами могильников Протока 1 и Венгерovo 2а, соответствующими второй половине VI тыс. до н.э.

В рамках диссертационного исследования выполнена обобщающая характеристика неолитических поселенческих комплексов с пло-

скодонной профилированной керамикой (Автодром 2/2, Автодром 1, Тартас-1), локализованных в Барабинской лесостепи. Выявлены их объединяющие и дифференцирующие признаки в керамике, орудийном наборе, конструкции жилищных котлованов. Зафиксировано наличие наряду со стационарными поселениями (Автодром 2/1) промыслово-хозяйственных стоянок (Тартас-1) и идентичность их материальных черт. Как одно из частных проявлений данной традиции отмечены черты типологической специфики керамики поселения Автодром 1 (в частности, присутствие гребенчатых мотивов в орнаменте). Хронологические позиции описанных памятников соответствуют концу VI – первой половине V тыс. до н.э., что позволяет предполагать синхронность их населения определенному этапу развития местных неолитических традиций Барабы. Констатирована принадлежность комплексов пласту родственных культурных типов Урало-Каспийского региона.

Выявлены уникальные и локальные черты артынской культуры позднего неолита, уточнены ее хронологические позиции в широких и узких рамках (конец VI – V тыс. до н.э. / вторая четверть – конец V тыс. до н.э.). Высказаны предположения обусловленности близкого сходства артынского, кокуйского и быстринского типов их развитием на основе общего субстрата.

При рассмотрении проблем хронологической и локальной дифференциации гребенчато-ямочной общности проведен анализ корреляции с артынскими комплексами по типолого-морфологическим, технологическим аспектам, планиграфической и стратиграфической локализации на памятниках. С учетом данных аспектов в керамических комплексах выделены четыре коррелятивные группы памятников: 1 – монолитные; 2 – монолитные, основой которых является ГЯ тип керамики, при устойчивой интегрированности прочерченных и отступающе-накольчатых элементов; 3 – гетерогенные комплексы, в которых керамика двух типов залегает в разных планиграфических локализациях; 4 – малорепрезентативные комплексы, имеющие черты как артынского, так и ГЯ типа, но их соотношение не ясно. Обоснована необходимость рассмотрения артынской культуры и гребенчато-ямочной общности в контексте их частично синхронного развития на заключительном этапе неолита.

Итоги диссертационной работы позволили на основе сформированного корпуса источников охарактеризовать процесс развития нескольких культурных традиций в рамках единой для лесостепных и южно-таежных районов Среднего Прииртышья схемы.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения диссертации изложены в 23 авторских публикациях, общим объемом 10,31 п. л., в том числе автора 6,13 п. л.

Публикации в периодических изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

1. Бобров, В. В. Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, **А. Ю. Юракова** // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3 (18). – С. 4–13 (1,14 п. л., в т. ч. автора – 0,38 п. л.).

2. **Юракова, А. Ю.** Орнаментальная традиция артынской поздненеолитической культуры / А. Ю. Юракова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: История. – 2013. – № 3 (55). – Т. 4. – С. 90–96 (0,75 п. л.).

3. Марочкин, А. Г. Материалы неолита-энеолита стоянки Долгая 1 (южные районы Нижнего Притомья) / А. Г. Марочкин, **А. Ю. Юракова** // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. – Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. – С. 189–201 (0,8 п. л., в т. ч. автора – 0,4 п. л.).

4. **Юракова, А. Ю.** К вопросу о «смешанных» керамических комплексах в неолите Среднего Прииртышья и Барабы / А. Ю. Юракова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1–3 (61). – С. 104–109 (0,76 п. л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

5. **Юракова, А. Ю.** Поздненеолитический комплекс керамики поселения Автодром-2 (опыт типологического анализа) / А. Ю. Юра-

кова // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): материалы XLIX Региональной археолого-этнографической студенческой конференции (Кемерово, 31 марта – 3 апреля 2009 г.). – Кемерово, Кузбассвузиздат, 2009. – С. 83–85 (0,21 п. л.).

6. Юракова, А. Ю. О керамике боборыкинского облика из центральной Барабы (по материалам поселения Автодром-2) / А. Ю. Юракова // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 184–186 (0,26 п. л.).

7. Бобров, В. В. Керамика артынской поздненеолитической культуры (по материалам поселения Автодром-2) / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, **А. Ю. Юракова** // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 113–116 (0,45 п. л., в т. ч. автора – 0,15 п. л.).

8. Бобров, В. В. Исследования 2010 года на поселении Автодром-2 в Барабинской лесостепи (предварительные результаты) / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, **А. Ю. Юракова** // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 9–14 (0,33 п. л., в т. ч. автора – 0,11 п. л.).

9. Юракова, А. Ю. Технологический прием использования шнура в гончарстве населения лесостепной полосы Западной Сибири / А. Ю. Юракова // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: материалы LI Региональной (VI Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Красноярск, 2011. – С. 145–146 (0,15 п. л.).

10. Юракова, А. Ю. Проблема культурно-хронологического соотношения неолитических комплексов лесостепного Ишимо-Иртышья и Барабы (история изучения и современное состояние) / А. Ю. Юракова // Человек и Север: антропология, археология, экология: материалы Всероссийской конференции (г. Тюмень, 26–30 марта 2012 г.). – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. – Вып. 2. – С. 186–189 (0,25 п. л.).

11. Юракова, А. Ю. Керамические комплексы северо-восточной части поселения Автодром 2 (проблема культурно-хронологического соотношения) / А. Ю. Юракова // Археология, этнология и антропология Евразии: материалы докладов ЛП Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Новосибирск, 2012. – С. 115–117 (0,16 п. л.).

12. Бобров, В. В. Поселение Автодром 1 – новый памятник эпохи неолита в Барабинской лесостепи / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова // VIII Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: сб. научных трудов. – Омск: Амфора, 2012. – С. 24–30 (0,45 п. л., в т. ч. автора – 0,15 п. л.).

13. Изучение разновременных археологических комплексов в Барабинской лесостепи в 2012 г. / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, Н. Н. Моор, А. Ю. Юракова // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН. – Кемерово, 2012 (0,4 п. л., в т. ч. автора – 0,1 п. л.).

14. Бобров, В. В. Новые материалы боборыкинской культуры в Барабинской лесостепи / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 19–24 (0,33 п. л., в т. ч. автора – 0,11 п. л.).

15. Юракова, А. Ю. Две группы «гребенчато-ямочных» комплексов позднего неолита – раннего металла Среднего Прииртышья и Барабы: к проблеме морфологической и культурной дифференциации / А. Ю. Юракова // LIII Региональная (с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Археология, этнография и антропология. Междисциплинарный аспект». – Владивосток, 2013. – С. 121–123 (0,21 п. л.).

16. Исследования поселений неолита и бронзы в Барабинской лесостепи в 2013 году / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, Н. Н. Моор // Материалы научной сессии Института экологии человека СО РАН 2013 года / Под ред. А. Н. Глушкова. – Кемерово, 2013. – Вып. 5. – С. 124–132 (0,73 п. л., в т. ч. автора – 0,18 п. л.).

17. Бобров, В. В. Неолитическое поселение Автодром 1 в Барабинской лесостепи: результаты раскопок в 2013 году / В. В. Бобров,

А. Г. Марочкин, **А. Ю. Юракова** // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2013 год. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 14–19 (0,33 п. л., в т. ч. автора – 0,11 п. л.).

18. Бобров, В. В. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи / В. В. Бобров, **А. Ю. Юракова** // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань, 2014. – Т. I. – С. 211–214 (0,37 п. л., в т. ч. автора – 0,19 п. л.).

19. Материалы неолита – раннего железного века на памятниках Барабинской лесостепи: результаты исследований 2014 года / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, **А. Ю. Юракова**, Н. Н. Моор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 103–107 (0,42 п. л., в т. ч. автора – 0,1 п. л.).

20. Бобров, В. В. Исследования поселений Автодром 1 и 2 в Барабинской лесостепи / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, **А. Ю. Юракова** // Археологические открытия 2010–2013 годов. – М., 2014. – С. 593–596 (0,2 п. л., в т. ч. автора – 0,07 п. л.).

21. Бобров, В. В. Исследования поселенческих и погребальных комплексов эпохи неолита на памятнике Автодром 1 в Барабинской лесостепи в 2015 году / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, **А. Ю. Юракова** // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI – С. 23–27 (0,42 п. л., в т. ч. автора – 0,14 п. л.).

22. **Юракова, А. Ю.** К проблеме локальных и хронологических маркеров развития гребенчато-ямочной общности Барабы и предтаежного Прииртышья (поздний неолит – начало эпохи металла) [Электронный ресурс] / А. Ю. Юракова // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвященной 110-летию В. Н. Чернецова, 110-летию Г. Ф. Дебеца, 115-летию А. П. Дульзона (20–22 апреля 2016 г., Томск, Россия). – Режим доступа: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/%D0%AE%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%A2%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%

8В%20%D0%97%D0%A1%D0%90%D0%AD%D0%9A%202016.pdf
(0,18 п. л.).

23. Юракова, А. Ю. Гребенчато-ямочная общность позднего неолита – раннего металла в Барабинской лесостепи и южно-таежном Прииртышье (ключевые проблемы историографии) / А. Ю. Юракова // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. – Вып. 27. – Кемерово, 2016. – С. 155–164 (1,01 п. л.).

Подписано в печать 17.03.2017. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,5. Тираж 150 экз. Заказ № 63

Адрес издательства и типографии: ООО «Издательство «Кузбассвузиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77.
E-mail: 58293469@mail.ru